

ДВИГАТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ СПОРТСМЕНА: ВВЕДЕНИЕ В СПОРТИВНУЮ КИНЕЗИОЛОГИЮ

Визитей Н., Манолачи В.

Государственный университет физического воспитания и спорта Молдовы, Кишинёв, Республика Молдова
Для связи с авторами: e-mail: anticamerausefs@mail.ru, n.vizit.n@mail.ru

Аннотация:

Двигательное действие спортсмена анализируется как целостный акт человеческого поведения, как поступок человека. Разрабатывается проблема методологических основ спортивной кинезиологии. Двигательное действие исследуется комплексно: с позиций философской антропологии, современной психологии, а также социологии спорта. Рассматривается вопрос о механизмах двигательного действия спортсмена и условиях, при которых оно является эффективным как в прикладном, так и в социально-культурном плане. В соответствии с представлениями философской антропологии двигательное действие, как и любой поведенческий акт человека, имеет тройственную структуру: внешнее, внутреннее, трансцендентное. Его осуществление связано с актуализацией трёх взаимообусловленных переживаний: чувства среды, чувства тела и чувства человеческого Я, что, однако, обычно не принимается во внимание в современной науке о спорте, и это ведёт к существенным просчётам познавательного и практического характера. Не учитывается, в частности, что двигательное действие производит своего субъекта, генерирует сознание, а не просто управляется готовым сознанием, существующим до процесса осуществления самого действия. При таком анализе чаще всего игнорируется то обстоятельство, что это действие имеет не только моторную, но и смысловую структуру, именно которой, прежде всего, соответствуют афферентные и эфферентные координации и синтезы, составляющие функциональную основу совершаемого движения. Существенно также, что спорт по своему социально-культурному содержанию – это самодостаточная соревновательная деятельность. Здесь сама по себе победа – высшая ценность. Это предопределяет характер реализующегося в двигательном действии волевого усилия, которое предполагает получение и удержание в фокусе внимания интегральных, медитационных по своему характеру переживаний, где «чувство среды» и «чувство тела» образуют психосоматическое единство (типа «чувства воды» у пловца). Показано, что обладающее указанными качествами двигательное действие спортсмена имеет высокий социально-культурный и воспитательный потенциал, который, однако, в наши дни всё ещё используется лишь частично.

Ключевые слова: спортивная кинезиология, действие как предмет философской антропологии, психологические механизмы двигательного действия.

THE THEORY OF MOTOR ACTIONS OF THE ATHLETE: THE NEED FOR NEW APPROACHES

Manolachi V., Vizitei N.

State University of Physical Education and Sport of Moldova, Chisinau, Republic of Moldova

Abstract:

Motor action is analyzed as an integral act of human behavior, as a human deed. It is developed the problem of methodological basics of sport kinesiology, The motor act is studied from the standpoint of philosophical anthropology, modern psychology and sociology of sport as well. It is considered the question of the mechanisms of motor actions of the athlete and the conditions under which it is effective in both applied and socio-cultural terms. In accordance with the views of philosophical anthropology physical action as any behavioral act of a person, has the triple structure: external, internal and transcendental. Its implementation is connected with the actualization of three interrelated experiences: sense of environment, sense of body and sense of the human I, which, however, usually is not taken into account today in the science of sports, and that leads to substantial failures of cognitive and practical nature. It is not taken into account, in particular, that the motor action produces its subject, generates consciousness and is not simply controlled by ready consciousness, existing prior to the implementation process of the action itself. This analysis often ignores the fact that this action has both motor and semantic structure, which primarily correspond to the afferent and efferent coordination and syntheses that constitute the functional basis of the performed movement. It is also significant that the sport in its socio-cultural content – is a self-sustained competitive activity. Here the victory, by itself, is the highest value. This determines the character of the realized in motor action the volitional effort, which involves

getting and keeping in focus the integral, meditation by its nature experiences, where the sense of environment and the sense of body form a psychosomatic unity (like "sense of water" of a swimmer). It is shown that the motor action of the athlete having the above qualities has a high socio-cultural and educational potential, which, however, is still used only partially today.

Key words: sport kinesiology, action as a subject of philosophical anthropology, psychological mechanisms of physical action.

1. Актуальность комплексного подхода. Построение теории двигательного действия спортсмена, или спортивной кинезиологии, предполагает, прежде всего, что в данном действии мы попытаемся увидеть полномасштабный акт человеческого поведения, человеческий поступок, которым данное действие, несомненно, является. (М. Бахтин: «Физическое действие человека должно быть понято как поступок» [1, с.99].) Сказанное означает, что перед кинезиологией неизбежно встает вопрос о природе человеческого поступка, или о том, что есть сущность человека и как она реально может быть выражена в его деятельно-практических проявлениях. Поэтому при создании спортивной кинезиологии необходимо обращение к философской антропологии, где человек рассматривается в интересующем нас отношении наиболее концептуально и целостно, и чей опыт такого рассмотрения игнорировать в нашей ситуации было бы крайне опрометчиво, тем более что в ряде случаев речь прямо идет о двигательном действии человека. (А. Гелен: «Всю организацию человека можно понять исходя из действия» [2, с.160-161].) Это, однако, лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что кинезиология, претендующая на номинацию «спортивная», должна вести речь о двигательном действии, совершаемом в рамках спортивной деятельности, то есть о действии, которое реализует специфические социально-смысловые и нравственно-психологические интенции, характерные именно для спорта. Поэтому другой сферой знания, обращение к которой также необходимо при создании спортивной кинезиологии, является социальная философия спорта, где спортивная деятельность анализируется как социальный и культурный феномен и где выявляется экзистенциально-смысловая специфика этой деятельности. В качестве третьей сферы знания в нашем случае выступает пси-

хология, интерес которой к двигательному действию имеет очень давние традиции и в рамках которой, более того, это действие нередко рассматривается в качестве главного предмета психологического анализа как такового [3, с. 8-9].

2. Издержки узко позитивистской трактовки. Как, однако, реально обстоит сегодня в рассматриваемом отношении дело в спортивной кинезиологии? Легко заметить, что чаще всего здесь не представлены на общетеоретическом уровне соображения ни первой, ни второй из названных выше сфер знания. Что касается третьей сферы, то обращение к психологическим концепциям имеет место в данном случае довольно часто, однако и здесь, при ближайшем рассмотрении, соответствующий фактологический и концептуальный материал используется далеко не полно. В целом же в процессе анализа двигательного действия в науках о спорте обычно реализуются позитивистские подходы, которые как таковые, конечно, правомерны и в определенной мере продуктивны, но которые (и это вполне очевидно) сами по себе не обеспечивают подлинного понимания сути интересующего нас феномена, поскольку работают с заведомо упрощенной его моделью. Следует обратить внимание, что указанная ситуация, являясь сегодня преобладающей, имеет далеко идущие негативные последствия как для теории, так и для практики спорта. Прежде всего, здесь возникают предпосылки к тому, чтобы мировоззренческое (социально-культурное, морально-этическое) содержание совершаемого двигательного действия оказалось для спортсмена обедненным, что уже само по себе, как понятно, нежелательно, поскольку вредит делу его личностного развития, но, помимо этого, неизбежно ведет и к ослаблению энергетика того мотивационного потенциала, которым спортсмен располагает и который он может использовать для достиже-

ния высокого соревновательного результата. Существенно и другое: ослабленность гуманитарного компонента в науках о спортивном действии мешает полноценно развиваться и самому позитивному (естественнонаучному) знанию. (М. Мерло-Понти: «Физиологу... предстоит освободиться от веры в реализм, заимствованный науками у здравого смысла и препятствующий их развитию» [4, с. 373].) Наконец, это также значительно затрудняет использование данного знания в спортивной практике. Последнее связано уже с тем обстоятельством, что знание о действии как предмете естествознания в существенной степени отличается по своему характеру от того знания, которым поступающий и действующий субъект, являясь существом рефлексивным, располагает помимо и до какой-либо науки и именно которое тем не менее он в первую очередь использует при совершении действия. М. Мерло-Понти подчеркивает, что научное знание, для того чтобы человек «мог им действительно пользоваться при построении собственного двигательного действия», надо еще «привести в соответствие с телом» [5, с. 190]. Он говорит и о том, как, в частности, такого рода перевод может быть в полной мере осуществлён индивидом при совершении действия: фактические истины естественных наук и психологии должны пройти через философское, прежде всего феноменологическое, уточнение и исправление [6, с. 585].

3. Двигательное действие в свете представлений философской антропологии. В последние годы в науках о спорте неоднократно совершались попытки уйти от узко позитивистского подхода как от доминантного, перейти, в частности, «от биоцентризма к психосемантике двигательных действий», как говорит С. Дмитриев [7, с. 7]. Что же следует принять во внимание, если, создавая спортивную кинезиологию, обращаться к концепциям философской антропологии, философии спорта, а также психологии? Начнем с первого вопроса. Прежде всего, необходимо опираться на ту модель человеческого существования, с которой философская антропология работает. Эта модель строится в соответствии с принципом триады и в целом является наи-

более адекватной и полной: Х. Плеснер – «Человек живет и как душа, и как тело, и как психофизиологически нейтральное единство этих сфер» [8, с. 27]; М. Шелер – «Сознание мира, самосознание и сознание бога (осознание трансцендентного. – Н.В., В.М.) образуют неразрывное структурное единство» [9, с. 91]; и др. Двигательное действие человека также должно рассматриваться как феномен тройственного мира: внешнего – среды, в которой свершается двигательное действие; внутреннего – мира душевных состояний, которые связаны с выполнением действия; трансцендентного – духовного, то есть мира человеческого Я, которое особым образом обнаруживает свое значимое присутствие в стихии свершающегося действия и которому открыто происходящее в целом как следствие проявления инициативы этого Я (как его собственная эмоционально-волевая активность) или, во всяком случае, как событие, характер протекания которого непосредственно связан с данной активностью, является результатом соучастия Я в происходящем. Далее: внешний мир открыт человеку в чувстве среды, внутренний – в чувстве тела, трансцендентный же – в чувстве Я, причем каждое из названных чувств опосредуется двумя другими. («Действие – это поле взаимоотношений нескольких сосуществующих реальностей», – Г. Хенгстенберг [10, с. 74]).

4. «Чувство среды» и «чувство тела»: характер их сопряжения при совершении двигательного действия. В психологической и спортивной литературе в значительной мере осознана важность эффективного сопряжения «чувства среды» и «чувства тела» для успешного осуществления двигательного действия [11, с. 375; 12, с. 37-38; 13, с. 244 и др.]. Однако в большинстве данных случаев вне поля зрения исследователей остается трансцендентальный компонент и, как результат, не используются в должной мере представления о тех механизмах координации «чувства среды» и «чувства тела», о которых говорит философская антропология, а также феноменология двигательного действия. О каких именно механизмах идет речь? В первую очередь, необходимо отметить, что каждое из названных чувств

всегда затронуто, всегда специфическим образом окрашено, обременено двумя другими чувствами. (Следует обратить внимание, что степень их взаимного проникновения в разных жизненных ситуациях, в частности в разных случаях осуществления двигательного действия, может быть очень неодинаковой и эта степень, при ближайшем рассмотрении, является главным показателем уровня технической освоенности человеком соответствующего движения [14, с. 86].) Совершенное владение навыком предполагает возможность практически полного взаимного сопряжения указанных чувств. В частности, «в хорошо сформированном действии разделение образа ситуации и образа действия [фактически – "чувства среды" и "чувства тела" – Н. В., В.М.] ...весьма условно», здесь «движение и среда смыкаются в конечном счете в "одно психофизиологическое образование"» [15, с. 177]. Что, однако, в данной ситуации реально происходит? И, прежде всего, какова суть процесса слияния в одно целое указанных переживаний и в дальнейшем – суть процесса расхождения их на противостоящие друг другу реальности? Принципиальным недостатком соответствующих представлений в современной спортивной (а нередко и за её пределами) науке о двигательном действии человека, о процессах, которые здесь имеют место, является постулирование готового в своей функционально-архитектонической представленности мышечного аппарата субъекта действия, с одной стороны, и столь же готовой, существующей еще до начала совершения самого действия, системы (инстанции), которая запускает данный мышечный аппарат и управляет им, – с другой. Между тем П. Гальперин справедливо подчёркивает: «Для нового действия в целом нет ни готовых механизмов внутри организма, ни готовых раздражителей во внешней среде» [16, с. 4].

5. Сознание и действие. Заметим, что в качестве управляющей инстанции, о которой идет речь, называют чаще всего центральную нервную систему. Э. Рид тем не менее высказывает сомнение: «Является ли представление о том, что центральная нервная система программирует управление телом,

чем-то большим, чем малосодержательной (или ошибочной) метафорой» [17, с. 11]. В других случаях в роли такой инстанции выступают психические реалии, в частности, образ, или представление о движении. Вот что, однако, говорит по поводу такой точки зрения М. Мерло-Понти: «Остается понять главное – посредством какой магической операции представление о движении вызывает в теле именно это движение. Данная проблема, – добавляет автор, – может быть разрешена лишь в том случае, если мы уйдем от различения тела как механизма в себе и сознания как бытия для себя» [18, с. 187]. Здесь особо следует сказать о сознании: практически во всех рассмотренных двигательных действиях человека безрефлективно принимается мнение, что сознание, которое управляет данным действием, существует исходно, еще до начала действия, выполняя роль внеположенного по отношению к действию фактора, способного запускать данное действие и корректировать его протекание. Вместе с тем, по справедливому свидетельству С. Рубинштейна, «Сознание не является внешней силой, которая извне управляет деятельностью человека»; он добавляет: «Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство» [19, с. 145]. Общую методологическую ошибку, которая совершается во всех вышеназванных случаях, В. Зинченко и М. Мамардашвили определяют так: «"Мыслит" ли мозг или же "мыслит" гомункул – это все различные проекции одного и того же субстанционализма» [120, с. 115]. Двигательное действие, несомненно, не только управляется субъектом, оно также своего собственного субъекта как лицо, обладающее рефлексивной способностью, создает. Следует заметить, что это одно из проявлений общекультурного процесса как такового, в который человек всегда деятельно, жизненно-практически вовлечён. Любое подлинно культурное событие – это ситуация, в которой воспроизводится человеческое сознание и человеческая нравственность, в которой воссоздаётся человеческая телесность, человеческое Я, или, более определенно,

– субъект соответствующего процесса; так-
вы, в частности, теоретико-познавательное,
эстетическое, властное, игровое и, конечно,
соревновательное действия [21]. Пренебре-
гая данным обстоятельством, исследователи
теряют из поля зрения «фундаментальный»,
как говорят В. Зинченко и М. Мамардашви-
ли, факт – «факт самодействия всего того, что
живет среди вещей» [22, с. 143]. (Проявление
данного самодействия в случае выполнения
сложного двигательного действия – это, в
частности, существование в контексте данно-
го выполнения «генераторов паттернов», ко-
торые, как отмечает Э. Рид, «не управляются
предписаниями моторных команд», не проду-
цируются «ни рефлекторно, ни центрально»,
а являются «результатом процессов самоорга-
низации» [23, с. 111].)

б. Двигательное действие: источники его ак-
тивности. Человеческая телесность обладает
спонтанной активностью; бытие специфи-
ческим образом «фонтирует» в точке при-
сутствия человеческого тела, точнее – в зоне,
которая человеку на уровне восприятия им
соответствующей ситуации открыта как сфе-
ра контакта внешнего и внутреннего. Крайне
важным для понимания сути двигательного
действия и его механизмов является принятие
в расчет того факта, что именно указанная
точка выступает реально как действительный
центр управления действием (или, вероятно,
правильнее будет сказать – как центр вос-
создания действия). Все влияния, которые
оказываются на тело со стороны внешнего
(среда) или со стороны внутреннего (пере-
живания) мира, накладываются на указанную
спонтанность, специфически модулируя ее,
однако, в конечном счёте именно модулируя,
и не более. В случае тела, таким образом, име-
ются, условно говоря, три источника влия-
ния, определяющие его состояние: внешние
воздействия (1), внутренние переживания (2),
спонтанность (3) – способность, которая яв-
ляется базовой для Природы как таковой и
которую тело у неё заимствует, являясь ее ча-
стью, фрагментом. Добавим, что именно во
встрече указанной спонтанности с внешними
и (или) внутренними воздействиями в ситуа-
ции развертывания двигательного действия

осуществляется центральный на онтологиче-
ском уровне акт человеческого бытия в целом.
Об этом акте говорит М. Шелер: «Основное
отношение человека к мировой основе состо-
ит в том, что эта основа непосредственно по-
стигает и осуществляет себя в самом человеке,
который как таковой и в качестве духовного,
и в качестве живого существа есть всякий раз
лишь частичный центр духа и порыва "через
себя сущего". Эта старая мысль Спинозы, Ге-
геля и многих других: первосущее постигает
самого себя в человеке в том же самом акте,
в каком человек видит себя укорененным в
нём» [24, с. 93]; и далее он же: «Человек есть
место встречи» [25, с. 94]. Наконец, укажем и
еще на одно обстоятельство: только понима-
ние двигательного действия как активности,
производящей психический мир субъекта (и
в итоге – его сознание), позволяет методоло-
гически грамотно подойти к анализу этого
действия, разработать систему понятий, кото-
рые адекватно представляют происходящее.
В. Зинченко и М. Мамардашвили отмечают:
«Должны быть понятия, относящиеся к ра-
боте по реальному построению изучаемого
действия. При этом замечательно, что это не
понятия, описывающие работу "я" (ни "я"
испытуемого, ни "я" исследователя). Скорее
это "оно" работает, не "я": когда мы говорим
"оно" ... , это попытка условно указать на факт
самодействия всего того, что живет среди ве-
щей там, в мире объектов <... > Движение,
как и психика, самостроится и саморазвива-
ется» [26, с. 117]. Невозможно размышлять о
двигательном действии, анализировать его,
не воспроизводя его вновь и вновь идеомо-
торно, то есть, не погружая целенаправленно
себя в его реальную стихию, также как невоз-
можно эффективно выполнять двигательное
действие, если при этом не срабатывает меха-
низм воссоздания сознания в стихии данного
действия.

7. О механизмах «производства сознания» в
процессе двигательного действия. Недоста-
ток представлений, связанных с пониманием
двигательного действия как процесса, управ-
ляемого заранее существующим субъектом,
обнаруживается практически повсеместно в
попытках модельно представить функцио-

нальные системы реализации данного действия. Как, однако, фактически осуществляется «производство сознания», о котором мы ведем речь? Данный вопрос обращает нас вновь к механизму сопряжения в действии внешнего и внутреннего, «чувства среды» и «чувства тела». Прежде всего, здесь следует отметить ещё раз, что каждое из этих чувств в силу самой специфики присутствия человека в мире в качестве рефлексивного индивида не существует в стерильно чистом виде: каждое из них специфическим образом захвачено другим. «Тело само, – как отмечает М. Мерло-Понти, – интерпретирует. "Зрительные данные" появляются в нем сквозь призму своего тактильного смысла, тактильные – сквозь призму зрительного смысла» [27, с. 200-201]. Наличие у тела человека способности к указанной интерпретации делает возможным на определенном этапе освоенности действия добиваться согласованности «чувства среды» и «чувства тела» не исключительно за счет использования механизма целенаправленного переключения внимания: с внешнего на внутреннее и обратно. Здесь с какого-то момента, вероятно, работает уже другой механизм: полная и все более углубляемая по мере разучивания двигательного действия сосредоточенность на внешнем реализует естественную возможность трансформироваться в сосредоточенность на внутреннем, и наоборот. При этом одно плавно, без скачка перетекает в другое, и именно режим такого перетекания, такого перехода обеспечивает «производство сознания», обретение спортсменом ясности и целостности восприятия происходящего. Это одновременно ситуация, когда при осуществлении действия субъекту оказываются доступными особого рода медитационные переживания, типа «чувства воды» у пловца. В соответствии с вышесказанным состояние проясненности сознания и состоит в том, что на уровне субъекта становится возможным уточнение, артикуляция имеющегося у него чувства среды за счет актуализации чувства тела, а чувства тела – за счет актуализации и артикуляции чувства среды. Субъект все в большей степени реагирует лишь на те эффекты внешней среды и те внутренне пред-

ставленные ему состояния тела, которые он сам же в них неизбежно продуцирует; его взаимодействие из субъект-объектного превращается фактически в рефлексивное, в субъект-субъектное взаимодействие.

8. Социум как пространство реализации двигательного действия. Радикальной коррекции традиционных представлений о феномене «двигательное действие человека» и о его механизмах требует также принятие нами во внимание того основополагающего факта, что данное действие реально совершается в социальном, а не природном пространстве. М. Бахтин справедливо отмечает: «Во всём, в чём человек выражает себя вовне (и, следовательно, для другого), от тела до слова, происходит напряженное взаимодействие я и другого: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг друга, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, неприятие... и т. д.» [28, с. 320]. М. Бахтин, таким образом, утверждает, во-первых, что двигательное действие человека – это в основе своей всегда субъект-субъектное, а не субъект-объектное (тем более, не объект-объектное) отношение; во-вторых, что это отношение может быть очень различным по своему нравственно-психологическому содержанию; в-третьих, что именно пространство морально-этических взаимоотношений является подлинным пространством, в котором совершается действие. Можно сказать, что всё человеческое является таковым в той мере, в какой в нём присутствует нравственный компонент. Смысл любого действия – это в конечном счете его моральный смысл. Ф. Ницше, говоря об «объеме морального», о масштабе охваченности человеческого существования нравственным отношением, констатирует: «Мы моментально конструируем новый и зримый нам образ с помощью всех прежних проделанных нами опытов лишь в меру нашей честности и справедливости. Не существует никаких других переживаний, кроме моральных, даже в области чувственного восприятия» [29, с. 176]. Мнение о том, что человеческое действие всегда по сути своей является субъект-субъектным и нравственно ориентированным, принять, вероятно, нелег-

ко, однако именно это мнение при ближайшем рассмотрении наиболее реалистично. И отсюда следует, что организация действия, его функциональная структура, в частности ее афферентные, эфферентные и центральные компоненты и их синтезы, имеют в рассматриваемой ситуации существенно иной характер по сравнению с ситуацией, в которой имело бы место взаимодействие субъекта с объектом. (Заметим, что последняя ситуация в целом полностью искусственна, что не мешает ей, однако, оставаться сегодня наиболее популярной при научном анализе двигательного действия спортсмена.)

9. Характер волевого усилия при выполнении высоко автоматизированного двигательного действия. Итак, любое проявление человеком себя, в частности его двигательное действие, всегда кому-то адресовано. Вместе с тем очевидно, что во многих случаях данное обстоятельство проявляет себя скрытно. Особенность спорта состоит в том (и здесь мы снова должны отметить важность философских и социологических исследований для спортивной кинезиологии), что в данном случае направленность совершаемого одним субъектом действия на другого субъекта представлена со всей возможной определенностью и открытостью. Спортивное действие нацелено на максимальный результат в процессе специально организованного соперничества, и это предполагает актуализацию способности человека к предельному волевому усилию, имеющему нравственно ориентированный характер. Обратим внимание, что это усилие становится в полной мере продуктивным лишь при условии, если действие становится высоко автоматизированным, если спортсмену оказываются доступными интегральные, медитационные переживания (типа «чувства воды» у пловца) – единственная в его случае возможная точка приложения предельных напряжений воли, когда автоматизация действия сохраняется и даже может быть усиленной. В целом же данная ситуация не лишена, как очевидно, парадоксального момента: автоматизация необходима для эффективного приложения волевых усилий, а волевые усилия – для того, чтобы автоматизация была полной.

10. Двигательное действие и самоутверждение спортсмена. Пространство, в котором реализует себя спорт (причём, реализует максимально открыто) – это морально-этическое пространство. Спорт – это и соперничество, и сотрудничество одновременно, это взаимообусловленность одного другим. Спортсмен нацелен на личный успех, на индивидуализацию, но обеспечить себе её в полной мере он может лишь активно проводя в жизнь принцип равенства соревнующихся, то есть, уравнивая себя со всеми другими. Одно невозможно без другого. Я не могу индивидуализироваться, не обезличивая себя в определенном смысле, так же как не могу актуально пережить свое соучастие, свою глубинную причастность жизни сообщества, социума, не добиваясь в нём высокого индивидуального статуса, который определяется масштабом моей способности быть фактором утверждения существования сообщества, фактором его жизни и развития. (П. Тиллих: «Я становится Я лишь потому, что у него есть свой мир, структурированный универсум, которому оно принадлежит и от которого оно в то же время обособлено. Я и мир коррелятивны. Также коррелятивны индивидуализация и соучастие <...>. Самоутверждение Я в качестве индивидуального Я всегда подразумевает утверждение той силы, в которой данное Я участвует. Я утверждает себя как участвующее в силе какой-то группы, какого-то движения, мира сущностей, силы бытия как такового» [30, с. 64-65].

11. Спортивное соперничество как самодостаточное соревнование. Существенно, что спорт – это самодостаточное соревнование, или соревнование «в чистом виде» [31, с. 87]. (Следует обратить внимание, что, по сути, именно так определяет спорт Л. Матвеев, когда называет его «собственно соревновательной деятельностью», и добавляет, что «только спорт и следует называть собственно соревновательной деятельностью» [32, с. 26]. Надо отметить, что методологический потенциал данного определения очень велик, однако в современной науке о спорте он пока практически полностью не использован.) Спортсмены сотрудничают, действуя в соответствии с

принципом «честного соперничества» и тем самым способствуя сохранению того социального пространства, в котором каждый может максимальным образом реализовать свое стремление к соперничеству, свое стремление быть уникальным. Спортсмены соперничают, но при этом каждый из них неизбежно стремится увеличить свою способность быть укорененным в сообществе в качестве силы, которая даёт энергию сотрудничеству индивидов, образующих данное (в пределе – общечеловеческое) сообщество. Полное соитие человека с сообществом возможно только как сопряжение данного человека с другим конкретным человеком, причём как сопряжение, в котором данный другой выступает как персонализация коллективности – всеобщего. (К. Маркс: «Моё всеобщее сознание есть лишь теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность» [33, с. 58].) А это, в свою очередь, возможно лишь в ситуации, когда во взаимодействии индивидов реализуется чувство любви к человеческому в человеке, к человеку как к персонализации всеобщего. Существенно, что все указанные смысловые константы находят свое отражение в особенностях построения двигательного действия спортсмена и в работе тех функциональных механизмов, которые обеспечивают его реализацию. Действительно, противостояние соперников даёт такую ситуацию, в рамках которой «внешняя среда» (мой соперник) в принципе проявляет себя по от-

ношению ко мне жестко, порой агрессивно. Я и среда здесь максимально разведены. Однако этим суть дела не исчерпывается. Мое стремление к преодолению соперника всегда актуально предполагает особого рода единение с ним, предполагает контакт, в котором обеспечивается наше взаимное проникновение, особого рода уступчивость движениям друг друга, особого рода взаимная поддержка этих движений. Аналогичным образом, в частности, разворачиваются события и при моём взаимодействии со спортивным снаряжением (штанга, ядро и др.): я активно перемещаю снаряд в одной фазе действия и уступаю активности снаряда, следуя за ним, в другой фазе движения. Двигательное действие, таким образом, осуществляет максимальную взаимную дистанцированность «внешнего» и «внутреннего» и одновременно возможность полного преодоления этой дистанцированности, специфическое сведение противоположностей в одно целое. «Чувство воды», в частности, есть вариант медитативного состояния, есть погружение спортсмена во всеобщее – в переживание им своего значимого присутствия в первосущем. Это снятие извечного антагонизма я-другой, актуализация созидательного момента противостояния. Спортивная кинезиология и должна строиться как наука, которая в центр внимания ставит действие, соответствующее по своей функциональной структуре смысловым константам, о которых шла речь в данной публикации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. К философии поступка / М. К. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М. : Наука, 1986. – С. 80-160.
2. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в Западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С. 152-206.
3. Гордеева, Н. Функциональная структура действия / Н. Гордеева, В. Зинченко. – М. : МГУ, 1982. – 208 с.
4. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : «Ювента» «Наука», 1999. – 606 с.
5. Там же.
6. Там же.
7. Дмитриев, С. Л. Донской и развитие отечественной биомеханики: от биоцентризма к психосемантике двигательных действий / С. Л. Дмитриев // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 11. – С. 4-16.
8. Плеснер, Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер // Проблема человека в Западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С. 152-206.
9. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в Западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.31-95.
10. Хенгстенберг, Г. К ревизии понятия человеческой природы / Г. К. Хенгстенберг // Философия человека в современной зарубежной философии : Тексты. – М. : Институт философии АН СССР, 1975. – С. 65-78.
11. Бернштейн, Н. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н. Бернштейн // Физиология движений и активность. – М. : Наука, 1990. – С.245-462.
12. Боген, М. Обучение двигательным действиям / М. Боген. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 192 с. 13.
13. Гордеева, Н. Экспериментальная психология ис-

- полнительного действия / Н. Гордеева. – М.: Тривола, 1995. – 321 с.
14. Визитей, Н. Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты) / Н. Визитей. – Кишинев : Штиинца, 1989. – 110 с.
 15. Гордеева, Н. Экспериментальная психология исполнительного действия / Н. Гордеева. – М.: Тривола, 1995. – 321 с.
 16. Гальперин, П. Предисловие к книге: Боген М. Обучение двигательным действиям / П. Гальперин. – М.: Физкультура и спорт, 1985. – С. 5-8.
 17. Рид, Э. Уроки по теории действия / Э. Рид // Управление движениями. – М.: Наука, 1990. – С.7-19.
 18. Мерло-Понти, М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – М.: Наука, 1992. – 380 с.
 19. Рубинштейн, С. Основа общей психологии / С. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1999. – 712 с.
 20. Зинченко, В. Проблема объективного метода в психологии / В. Зинченко, М. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 110-122.
 21. Визитей, Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. Философские очерки / Н. Визитей. – М.: Советский спорт, 2009. – 184 с.
 22. Зинченко, В. Проблема объективного метода в психологии / В. Зинченко, М. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1987. – №7. – С. 110-122.
 23. Рид, Э. Уроки по теории действия / Э. Рид // Управление движениями. – М.: Наука, 1990. – С. 7-19.
 24. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в Западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-95.
 25. Там же.
 26. Зинченко, В. Проблема объективного метода в психологии / В. Зинченко, М. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 110-122.
 27. Мерло-Понти, М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – М.: Наука, 1992. – 380 с.
 28. Бахтин, М. К переработке книги о Достоевском / М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 308-327.
 29. Ницше, Ф. Веселая наука. Злая мудрость / Ф. Ницше. – М.: ЭКСМО, 2007. – 526 с.
 30. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих // Избранное. Теология культуры. – М.: Юристъ, 1998. – С.7-131.
 31. Визитей, Н. Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты) / Н. Визитей. – Кишинев : Штиинца, 1989. – 110 с.
 32. Матвеев, Л. Теория и методика физической культуры / Л. Матвеев. – М.: Физкультура и Спорт, СпортАкадемПресс, 2008. – 544 с.
 33. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд. – Т. 42. – С. 41-174.

BIBLIOGRAPHY

1. Bakhtin, M. (1986) On the philosophy of deed// Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook 1984-1985. – М.: Nauka, – pp. 80-160.
2. Gehlen, A. (1988) On the systematics of anthropology // The problem of man in western philosophy. – М.: Progress, – pp. 152-206.
3. Gordeeva, N., Zinchenko, V. (1982) Functional structure of an action. – М.: МСУ, – 208 p.
4. Merleau-Ponty M. (1999) Phenomenology of perception – St. Petersburg : “Yuventa” “Science”. – 606 p.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Dmitriev, S. (2002). L. Donskoy and development of biomechanics: from biocentrism to psychosemantic of motor action // Theory and practice of physical culture. – No. 11. – pp. 4-16.
8. Plesner, H. (1988) Degree of the organic and man. Introduction to philosophical anthropology // The problem of man in western philosophy. – М.: Progress. – pp. 152-206.
9. Scheller, M. The position of man in space // The problem of man in western philosophy. – М.: Progress, 1988. – pp. 31-95.
10. Hengstenberg, G. (1975) On revision of the concept of human nature // Philosophy of man in modern foreign philosophy : Texts. – М.: Institute of philosophy, USSR Academy of Sciences. – pp. 65-78.
11. Bernstein, N. (1990) Essays on the physiology of movements and physiology of activity / N. Bernstein // Physiology of movements and activity. – М.: Nauka. – pp. 245-462.
12. Bogen, M. (1985) Teaching of motor actions. – М.: Physical culture and sport. – 192 p.
13. Gordeeva, N. (1995). Experimental psychology of executive action. – М.: Trivola. – 321p.
14. Vizitei, N. (1989) Physical culture of personality (the problem of human corporeality: methodological, socio-philosophical, pedagogical aspects). – Chisinau : Shtiintsa. – 110 p.
15. Gordeeva, N. (1995). Experimental psychology of executive action. – М.: Trivola. – 321p.
16. Galperin, P. Preface to the book: Bogen M. Teaching of motor actions. – М.: Physical culture and sport, 1985. – pp. 5-8.
17. Rid, E. (1990) Lessons on the theory of action // Motion control. – М.: Nauka. – p. 7-19.
18. Merleau-Ponty, M. (1992) Eye and mind. – М.: Nauka. – 380 p.
19. Rubinstein, S. (1999) Basis of general psychology. – Saint-Petersburg : Piter. – 712 p.
20. Zinchenko, V., Mamardashvili M. (1987). The Problem of objective method in psychology // The problems of philosophy. – No. 7. – p. 110-122.
21. Vizitei, N. (2009) Theory of Physical Culture: on the correction of basic notions (philosophical essays). – М.: Soviet Sport. – 184 p.
22. Zinchenko, V., Mamardashvili, M. (1987) The Problem of objective method in psychology // The problems of philosophy. – No. 7. – pp. 110-122.
23. Rid, E. (1990) Lessons on the theory of action // Motion control. – М.: Nauka. – p. 7-19.
24. Scheller, M. (1988) The Position of man in Space // The Problem of man in western philosophy. – М.: Progress. – p. 31-95.
25. Ibid.
26. Zinchenko, V., Mamardashvili, M. (1987) The Problem of objective method in psychology // Questions of philosophy. – No. 7. – pp. 110-122.

27. Merleau-Ponty, M. (1992) Eye and mind. – М. : Nauka. – 380 p
28. Bakhtin, M. On the elaboration of books about Dostoevsky / M. Bakhtin // The Aesthetics of verbal art. – Moscow : Iskusstvo, 1979. – pp. 308-327.
29. Nietzsche, F. (2007) The gay science. Evil wisdom. – М. : EKSMO – 526 p.
30. Tillich, P. (1998) The courage to be / Tillich P. // Selection. Theology of culture. – М. : Yurist. – p. 7-131.
31. Vizitei, N. (1989) Physical culture of personality (the problem of human corporeality: methodological, socio-philosophical, pedagogical aspects). – Chisinau : Shtiintsa. – 110 p.
32. Matveev, L. (2008) Theory and methods of physical culture. – М. : Physical culture and Sports, SportAkademPress. – 544 p.
33. Marx, K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 // K. Marks, F. Engels Works, 2nd edition. – Vol. 42. – p. 41-174.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Визитей Николай Николаевич – доктор-хабилитат философии, профессор Государственного университета физического воспитания и спорта Республики Молдова, e-mail: n.vizit.n@mail.ru

Манолаки Вячеслав Григорьевич – доктор-хабилитат педагогики, профессор, ректор Государственного университета физического воспитания и спорта Республики Молдова, MD-2024, Chisinau, 22A. Doga street; e-mail: anticamerausefs@mail.ru